

Содержание

ПСИХОПАТОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ (О забывании, оговорке, ошибочном действии, суеверии и заблуждении)	7
I. Забывание имен собственных	9
II. Забывание иностранных слов	17
III. Забывание имен и последовательностей слов	25
IV. О детских и покрывающих воспоминаниях	54
V. Оговорка	64
VI. Очитка и описка	120
А) Очитка	120
Б) Описка	131
VII. Забывание впечатлений и намерений	149
А) Забывание впечатлений и знаний	152
Б) Забывание намерений	167
VIII. Оплошность	178
IX. Симптоматические и случайные действия	209
X. Заблуждения	238
XI. Комбинированные ошибочные действия	252
XII. Детерминизм. Вера в случайность и суеверие. Точки зрения	262
Примечания	303

ПО ТУ СТОРОНУ ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ

I	312
II	318
III	325
IV	332
V	344
VI	355
VII	375
Примечания	379

ПСИХОПАТОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ

**(О ЗАБЫВАНИИ, ОГОВОРКЕ,
ОШИБОЧНОМ ДЕЙСТВИИ,
СУЕВЕРИИ И ЗАБЛУЖДЕНИИ)**

Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.

*«Фауст», часть II, акт V
(Перевод Н. Холодковского)*

Забывание имен собственных

В выпуске 1898 года «Ежемесячного журнала психиатрии и неврологии» я опубликовал небольшую статью «О психическом механизме забывчивости», содержание которой я здесь повторю и приму за отправную точку для дальнейших рассуждений. В ней на наглядном примере из моего самонаблюдения я подверг психологическому анализу часто встречающийся феномен временного забывания имен собственных и пришел к результату, что этот обычный и в практическом отношении не очень существенный частный случай выпадения психической функции — памяти — допускает объяснение, выходящее далеко за рамки общепринятых представлений.

Если я не очень ошибаюсь, психолог, которого попросили бы объяснить, как получается, что так часто человек не может вспомнить имени, которое все же, как он думает, знает, удовольствуется ответом, что имена собственные более подвержены забыванию, чем другого рода содержание памяти. Он привел бы убедительные причины такого предпочтения имен собственных, но не заподозрил бы иную обусловленность случившегося.

Для меня поводом к обстоятельному изучению феномена временного забывания имен стало наблюдение неких деталей, которые довольно отчетливо можно распознать — пусть и не во всех случаях, но, по крайней мере,

в отдельных. В таких случаях имя не только *забывается*, но и *неправильно вспоминается*. Человеку, пытающемуся вспомнить выпавшее из памяти имя, в сознание приходят другие — замещающие — имена, которые хотя и признаются тотчас неверными, но все же с большой вязкостью навязываются снова и снова. Процесс, который должен привести к воспроизведению искомого имени, как будто *сместился* и, таким образом, привел к неверной замене. Мое предположение заключается в том, что это смещение не отдано на откуп психическому произволу, а придерживается закономерных и поддающихся исчислению путей. Другими словами, я предполагаю, что замещающее имя или замещающие имена находятся во взаимосвязи с искомым словом, которую можно выявить, и надеюсь, что, если мне удастся обнаружить эту взаимосвязь, то смогу пролить свет на ход событий при забывании имени.

В примере, выбранном в 1898 году для анализа, речь шла об имени мастера, создавшего в кафедральном соборе Орвието великолепные фрески «последних дел», которое я тщетно старался вспомнить. Вместо искомого имени — *Синьорелли* — мне упорно навязывались имена двух других живописцев — *Боттичелли* и *Больтраффио*, — которые моим суждением тотчас и решительно были отвергнуты как неверные. Когда посторонним лицом мне было сообщено верное имя, я сразу и без колебаний его признал. Исследование того, в результате каких воздействий и по каким ассоциативным путям воспроизведение сместилось подобным образом — с Синьорелли на Боттичелли и Больтраффио, — привело к следующим результатам.

а) Причину выпадения имени *Синьорелли* не стоит искать ни в особенности самого этого имени, ни в психологическом характере взаимосвязи, в которой оно было включено. Забытое имя было мне точно так же знакомо, как одно из замещающих имен — Боттичелли, — и несравненно более знакомо, чем второе из замещающих

имен — Больтраффио, — о чьем обладателе я едва ли мог бы сообщить нечто еще помимо его принадлежности к миланской школе. Взаимосвязь же, в которой случилось забывание имени, кажется мне безобидной и не ведет к дальнейшему разъяснению: я вместе с одним незнакомцем ехал в карете из Рагузы в Далмации на некую станцию в Герцеговине; мы завели разговор о путешествии по Италии, и я спросил моего спутника, был ли он уже в Орвието и видел ли там знаменитые фрески NN.

б) Забывание имени объясняется только тогда, когда я вспоминаю тему, непосредственно предшествующую той беседе, и предстает как *результат нарушения вновь возникающей темы со стороны предшествующей*. Незадолго до того, как я задал вопрос моему спутнику, был ли он уже в Орвието, мы беседовали о нравах живущих в *Боснии и Герцеговине* турок. Я рассказал о том, что слышал от одного практикующего среди этих людей коллеги, что обычно они демонстрируют полное доверие врачу и полную покорность судьбе. Если им сообщают, что больному нельзя помочь, то они отвечают: «Что тут сказать, *господин* (Herr)? Я знаю, если бы его можно было спасти, ты спас бы его!» Только в этих предложениях содержатся слова и названия: *Босния, Герцеговина*, — которые можно вставить в ассоциативный ряд между *Синьорелли* и *Боттичелли* — *Больтраффио*.

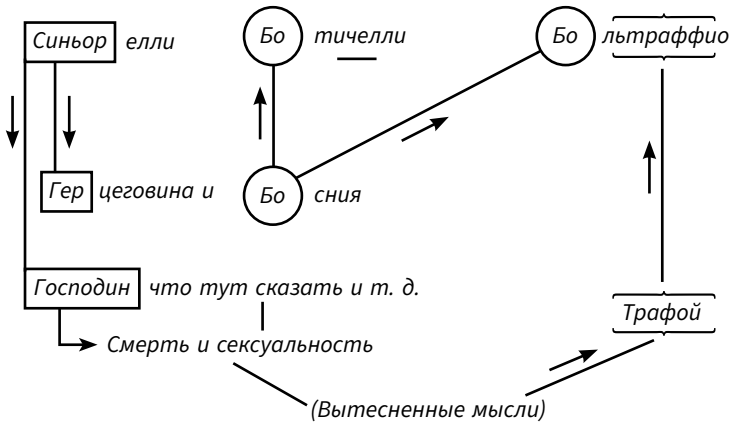
в) Я предполагаю, что вереница мыслей о нравах боснийских турок и т. д. оказалась способной помешать следующей мысли потому, что я отвлек от нее свое внимание еще до того, как довел ее до конца. Ибо я вспоминаю о том, что хотел рассказать второй эпизод, покоившийся в моей памяти рядом с первым. Эти турки ценят выше всего сексуальное наслаждение и при сексуальных расстройствах впадают в отчаяние, которое странным образом контрастирует с их смирением при смертельной опасности. Один из пациентов моего коллеги как-то ему сказал: «Ты знаешь

ведь, *господин*, если *этого* больше нет, то и жизнь не имеет ценности». Я удержался от сообщения об этой характерной черте, поскольку не хотел затрагивать эту тему в беседе с незнакомцем. Но я сделал еще нечто большее; я отвлек свое внимание и от продолжения мыслей, которые могли бы связаться у меня с темой «сексуальность и смерть». Я находился тогда под впечатлением вести, полученной несколькими неделями раньше во время моего краткого пребывания в местечке *Трафой*. Один пациент, с которым я много работал, из-за неизлечимого сексуального расстройства покончил с жизнью. Я точно знаю, что в той поездке в Герцеговину это печальное событие и все, что с ним было связано, в моей сознательной памяти не всплывали. Но ответственность *Трафой* — *Больтраффио* заставляет меня предположить, что тогда эта реминисценция, несмотря на намеренное отвлечение моего внимания, оказала на меня свое действие.

г) Я уже не могу понимать забывание имени Синьорелли как случайное событие. Я должен признать в этом происшествии влияние некоего *мотива*. Это были мотивы, побудившие меня прерваться при сообщении моих мыслей (о нравах турок и т. д.) и в дальнейшем повлиявшие на то, чтобы не допустить осознания мною привязывающихся к ним мыслей, которые привели бы к известию в Трафое. Стало быть, я хотел что-то забыть, я что-то вытеснил. Разумеется, я хотел забыть нечто другое, нежели имя мастера из Орвието; но это другое сумело вступить в ассоциативную связь с этим именем, так что мой волевой акт не достиг цели, и я *против воли забыл одно*, тогда как *намеревался забыть другое*. Нежелание вспомнить направилось против одного содержания, неспособность вспомнить обнаружилась на другом. Очевидно, более простым был бы случай, если бы нежелание и неспособность вспомнить касались бы одного и того же содержания. Замещающие имена больше не кажутся мне такими уж совершенно неправомочными, как до разъяснения; они в равной степени

(сродни компромиссу) напоминают мне как о том, что я позабыл, так и о том, что я хотел вспомнить, и демонстрируют мне, что мое намерение что-то забыть не оказалось ни в полной мере успешным, ни полностью безуспешным.

д) Весьма необычен вид связи, возникшей между искомым именем и вытесненной темой (смерти и сексуальности и т. д., в которой встречаются названия Босния, Герцеговина, Трафой). Включенной здесь схемой, заимствованной из статьи 1898 года, я попытаюсь наглядно изобразить эту связь.

При этом имя Синьорелли было расчленено на две части. Одна пара слогов (*елли*) повторяется в одном из замещающих имен без изменения, другая благодаря переводу *signor* — *Herr* приобрела многочисленные и разнообразные связи с названиями, содержащимися в вытесненной теме, но вследствие этого оказалась потерянной для репродукции. Их замещение произошло таким образом, как будто было произведено смещение вдоль соединения названий «Герцеговина и Босния», не считаясь со смыслом и акустическим разграничением слогов. Стало быть, в этом процессе с названиями обошлись так, как со шрифтовыми образами предложения, которое должно быть преобразовано

в ребус. Обо всем ходе событий, в результате которого таким способом вместо имени Синьорелли были созданы замещающие имена, сознание не получило никаких вестей. Связь между темой, в которой встретилось имя Синьорелли, и предшествовавшей ей по времени вытесненной темой, которая вышла за пределы этого повторения одинаковых слогов (или, точнее, последовательностей букв), как *поначалу* кажется, выявить невозможно.

Пожалуй, не будет лишним заметить, что предполагаемые психологами условия репродукции и забывания, которые отыскиваются в известных соотношениях и диспозициях, не противоречат предшествующему объяснению. Мы лишь для определенных случаев добавили ко всем давно признаваемым моментам, которые могут содействовать забыванию имени, еще один *мотив* и, кроме того, прояснили механизм ошибочного припоминания. Те диспозиции необходимы и в нашем случае, чтобы создать возможность того, что вытесненный элемент ассоциативно завладеет искомым именем и заберет его с собой в вытеснение. С другим именем, имеющим более благоприятные условия воспроизведения, этого бы, возможно, не произошло. Более того, вероятно, что подавленный элемент всякий раз стремится заявить о себе где-либо в другом месте, но достигает этого результата лишь там, где ему содействуют подходящие условия. В других случаях подавление удается без нарушения функции, или, как мы по праву можем сказать, без *симптомов*.

Таким образом, если подытожить условия забывания имени с ошибочным припоминанием, получается: 1) известное предрасположение к его забыванию; 2) незадолго до этого завершившийся процесс подавления; 3) возможность создать *внешнюю* ассоциацию между данным именем и ранее подавленным элементом. Последнее условие, вероятно, следует оценивать не очень высоко, поскольку при незначительных требованиях к ассоциации таковая в большинстве случаев может осуществиться. Другой и более

глубоко простирающийся вопрос заключается в том, действительно ли такая внешняя ассоциация может быть достаточным условием для того, чтобы вытесненный элемент помешал репродукции искомого имени, не требуется ли все-таки более тесная связь между обеими темами. При поверхностном рассмотрении последнее требование хочется отклонить и счесть достаточным совпадение во времени при совершенно несовместимом содержании. Но при детальном исследовании все чаще обнаруживаешь, что оба элемента (вытесненный и новый), связанные внешней ассоциацией, обладают, кроме того, содержательной связью, да и в нашем примере с именем *Синьорелли* можно выявить такую.

Ценность понимания, которое мы приобрели при анализе примера с именем *Синьорелли*, естественно, зависит от того, каким мы хотим объявить этот случай — типичным или единичным происшествием. Я должен тут утверждать, что забывание имени с ошибочным припоминанием необычайно часто происходит так, как мы это прояснили в случае *Синьорелли*. Почти каждый раз, когда я мог наблюдать этот феномен на себе самом, я был также способен вышеупомянутым способом объяснить его себе как обусловленный вытеснением. Я должен также выставить как довод еще и другую точку зрения в пользу типичного характера нашего анализа. Я думаю, что случаи забывания имен с ошибочным воспоминанием неправомерно принципиально отделять от тех, в которых неверные замещающие имена не появлялись. В ряде случаев эти замещающие имена возникают спонтанно; в других случаях, где они не возникли спонтанно, их можно заставить всплыть усилием внимания, и тогда они обнаруживают такие же связи с вытесненным элементом и искомым именем, как если бы они возникли спонтанно. Для осознания замещающего имени решающими, по-видимому, являются два момента: во-первых, усиление внимания, во-вторых, некоторое внутреннее условие, относящееся к психическому материалу.